

РОССИЙСКИЕ МАРКИСТЫ

Никого не ожидает такая великая будущность и такая плодотворная роль, как то государство, которое решилось бы сделаться социалистическим государством.

Ф. Лассаль

Социализм есть фантастический младший брат почти отжившего деспотизма, которому он хочет наследовать; его стремления, следовательно, в глубочайшем смысле реакционны. Ибо он жаждет такой полноты государственной власти, какую обладал только самый крайний деспотизм, и он даже превосходит все прошлое тем, что стремится к формальному уничтожению личности...

Ф. Ницше

Если не начальной точкой, то, во всяком случае, весьма важной вехой проникновения марксизма в Россию следует считать публикацию в 1872 г. русского перевода первого тома основного труда К. Маркса (1818—1883) «Капитал». Переводчиков этой книги было трое: Г. А. Лопатин, Н. Ф. Даниельсон и Н. Н. Любавин. Правда, до них намеревался это сделать идеолог русского и мирового анархизма М. А. Бакунин. Живя в эмиграции, он постоянно нуждался, от случая к случаю зарабатывая на жизнь литературным

трудом и переводами. В 1869 г., как уже было сказано, Бакунин принял предложение перевести первый том «Капитала», хотя и тогда, и после считал Маркса своим идейным противником.

Примерно так же, кстати, относился к нему и Маркс, вообще принимавший едва ли не каждого русского эмигранта за шпиона или мошенника, особенно когда те зачем-либо являлись к нему с визитом¹. Но окончательно отношения Маркса и Бакунина расстроились из-за срыва последней затеи с переводом. Получив 300 рублей аванса в счет окончательного гонорара (он был определен в 900 рублей), Бакунин погрузился в свою суматошную жизнь, лишенную и намека на почитаемую в Европе организованность, а к переводу, по сути, так и не приступил. Впрочем, и аванса не вернул.

Однако и перевод, начатый Г. Лопатыным, также осуществлялся не без приключений. Загоревшись идеей спасти из сибирской ссылки революционера Н. Г. Чернышевского, Лопатин в 1870 г. прервал работу над переводом и возвратился в Россию. В Иркутске он был арестован. Узнав об этом, обеспокоенный Маркс справлялся о судьбе Лопатина у Даниельсона, поскольку тому Лопатин при отъезде передал права на перевод «Капитала».

Любопытно отметить, что К. Маркс неплохо относился к находившемуся в ссылке Чернышевскому (считая его оригинальным мыслителем в отличие от остальных философов и публицистов, которых называл компиляторами). Этого нельзя сказать о Чернышевском, который вроде бы ознакомился с «Капиталом» Маркса на немецком языке и написал карандашом на книге: «Пустословие в социальном духе». Или еще более оскорбительное: «Просмотрел, да не читал, а отрывал листик за листиком, делал из них кораблики и пускал по Вилюю»².

Надо отметить, что *время появления перевода «Капитала» в России (1870-е гг.) было периодом утраты «привлекательности» народнических идей, и для определенного круга, как революционеров, так и либерально настроенных людей, начал возникать некий идейный вакуум.*

Вот в эту «пустоту» постепенно и втискивалось учение Маркса, найдя, таким образом, более чем благодатную почву. В среде

«демократической» интеллигенции «Капитал» стал обязательной книгой, не прочесть его считалось неприличным. Между тем самого Маркса еще до этого удивляло повышенное внимание к его учению русских демократов. В октябре 1868 г. Маркс писал своему другу доктору Л. Кугельману: «Не ирония ли это судьбы, что русские, на которых я непрерывно нападал в течение 25 лет не только на немецком, но также на французском и английском языках, всегда были моими доброжелателями»³.

Интересно, что в Германии, на родине Маркса, «Капитал» расходился крайне плохо, в начале 1869 г. еще не были даже покрыты расходы на издание. В России же весь тираж разошелся довольно быстро. Один из ближайших соратников Маркса, так называемый ревизионист Э. Бернштейн, писал по этому поводу: «Конечно, нельзя было смотреть, как на пустую мелочь, на тот факт, что в России нашелся тотчас же издатель для такой тяжеловесной книги, представляющей для этой страны почти только академический интерес»⁴. Но, строго говоря, между революционерами и либералами, прочитавшими «Капитал», мало кто по-настоящему понимал смысл книги — усвоить текст было крайне трудно. Историк, профессор Киевского университета В. Б. Антонович шутил на своих лекциях: «Даю три рубля каждому из юношей, который своими словами изложит любую главу из „Капитала“ Маркса»⁵. Значительно позднее социал-демократ П. Лафарг, встретившись с В. И. Лениным за границей, признался ему, что Маркса вообще никто не понимает⁶. О том же писал и один из старейших социал-демократов большевик М. Н. Лядов: «Громадное большинство изучавших Маркса его совершенно не понимало»⁷.

Итак, сложилась довольно странная ситуация: «Капитала», как и марксизма вообще, никто не понимал, но все его усиленно изучали и проповедовали. Едва проникнув в Россию, марксизм постепенно становился там новой религией, число адептов которой относительно быстро росло.

В историю мировой общественной мысли К. Маркс вместе со своим соратником Ф. Энгельсом вошел как основоположник научного коммунизма. Конечно, и до Маркса в истории существовало немало как социалистов, так и коммунистов. Коммунизм Маркса был отчасти «вливанием молодого вина в старые мехи».

В 1847 г. Марксу и Энгельсу путем колоссальных усилий и интриг удалось объединить разрозненные группы тех, кто считал себя коммунистом, в единую организацию, названную «Союзом коммунистов». Председателем этого «Союза» стал Маркс. Но внутри организации образовался раскол. Маркс и Энгельс оказались в меньшинстве, и в 1850 г. коммунисты исключили их из «Союза». Никакого единства среди коммунистов так и не сложилось, и «Союз» был распущен Марксом в 1852 г.

В 1848 г. Маркс и Энгельс написали для этой организации программу под названием «Манифест Коммунистической партии». Этот документ приобрел огромную популярность в мире и многократно переиздавался на многих языках. «Манифест» начинался словами: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма»⁸, и в этой метафоре заключалась немалая доля мистификации. Один из биографов Маркса писал: «Должно быть, „Манифест Коммунистической партии“ является самым популярным политическим памфлетом в истории человечества, но он также озаглавлен наиболее вводящим в заблуждение названием: такой партии не существовало»⁹.

В «Манифесте» признавалась прогрессивность капитализма как общественной формации, но одновременно указывалось на реакционность буржуазии. Подчеркивались также непримиримые противоречия капиталистического общества, породившего не только буржуазию, но и ее антагониста — класс пролетариев («могильщика» буржуазии), который под руководством партии коммунистов свергнет путем революции господство буржуазии и завоюет политическую власть. «Манифест» заканчивался так:

«...Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»¹⁰

Первое издание «Манифеста» на русском языке (в переводе М. Бакунина) появилось в 1869 г. в Женеве.

К. Маркс написал свою знаменитую книгу «Капитал» на основе анализа английского капиталистического общества. Он заранее с 1856 г. разрекламировал всему своему окружению начало работы над «Капиталом». Но работа не очень ладилась, и первый том

«Капитала» появился лишь в 1867 г. Маркс никого, даже Энгельса, не посвящал в тайны творческой лаборатории своей работы над первым томом. Коммунисты ожидали чего-то необыкновенного от содержания «Капитала», но, увы, гора родила мышь. Друзей и соратников Маркса охватило настоящее оцепенение. Близкий друг Маркса В. Либкнехт признался, что «еще ни одна книга его так сильно не разочаровала»¹¹. Почти никаких отзывов на этот труд не появилось в печати.

Половина тонкого по объему тома «Капитала» была отведена критике учений других экономистов, а также рассуждениям о базисе и надстройке, в результате чего Маркс пришел к выводу, что бытие людей определяет их сознание; когда же материальные отношения становятся чрезмерно сдерживающими и тягостными для человечества, наступает эпоха социальной революции.

Современный автор определил марксизм как науку ни о чем: «В конце прошлого и в начале нынешнего столетия в Европе вырос „научный социализм“ — то есть выросла наука о не существующем в природе явлении. Наука о вымысле. Или, по крайней мере, о мечте»¹².

После смерти Маркса в 1883 г. его ближайшие соратники начали подвергать догмы марксизма «ревизии». Русские революционеры из интеллигенции, наоборот, грудью становились на защиту марксизма. 13 (25) сентября 1883 г. на берегу реки Роны, в одном из самых живописных уголков Женевы, собралась группа первых русских марксистов: Георгий Валентинович Плеханов, Павел Борисович Аксельрод, Вера Ивановна Засулич, Лев Григорьевич Дейч, братья Василий Николаевич и Илья Николаевич Игнатовы и Роза Марковна Боград (гражданская жена Плеханова). Цель этого «собрания» состояла в том, чтобы положить начало русской марксистской организации.

Плеханов, как инициатор этого начинания, предложил назвать организацию «Русская социал-демократическая группа», но предложение было отвергнуто, так как к этому времени русские революционеры относились довольно скептически к западной социал-демократии. Тогда решили назвать эту организацию группой «Освобождение труда». Конечно, не так трудно было принять решение о создании марксистской «Группы», гораздо

труднее было найти денежные средства на функционирование организации. Но деньги были — член «Группы» В. Н. Игнатов (бывший чернопеределец) получил большое наследство, которое отдал на революцию. В 1885 г. он скончался от туберкулеза, так и не успев больше ничего сделать для российского марксизма. Его брат И. Н. Игнатов не стал заниматься революцией, а, получив в Париже медицинское образование, трудился в России земским врачом.

Основной костяк «Группы» составляли бывшие члены «Черного Передела», вынужденные эмигрировать из-за преследований царского правительства. Раскол и разброд в среде революционного движения в России требовал хоть какого-то единства. Один из лидеров группы «Освобождение труда» П. Б. Аксельрод, критикуя русскую интеллигенцию, писал, что «она вечно переходит от одного приема борьбы к другому, из-за вопросов минуты готова забыть окончательно цель движения. Ради одного какого-нибудь приема, особенно благоприятствуемого данным моментом, она забывает все те пути, вне которых — не говорю: торжество социализма, хотя бы в далеком будущем, но и обеспечение истинно демократической конституции немислимо»¹³.

Руководитель «Группы» Плеханов еще в 1882 г. заново перевел на русский язык «Манифест Коммунистической партии», а глубокое знакомство с западно-европейским социал-демократическим движением привело его к марксизму. В объявлении «Об издании „Библиотеки современного социализма“» задачи предстоящей деятельности организации формулировались следующим образом: «1) Распространение идей научного социализма путем перевода на русский язык важнейших произведений школы Маркса и Энгельса и оригинальных сочинений, имеющих в виду читателей разных степеней подготовки; 2) Критика господствующих в среде наших революционеров учений и разработка важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения научного социализма и интересов трудящегося населения России»¹⁴.

Группа «Освобождение труда» разработала два варианта программы. Первый вариант программы (1883) указывал, что буржуазия неспособна взять на себя инициативу борьбы с самодержавием, и «социалистической интеллигенции пришлось

поэтому стать во главе современного освободительного движения, прямой задачей которого должно быть создание свободных политических учреждений в нашем отечестве, причем социалисты со своей стороны должны стараться доставить рабочему классу возможность активного и плодотворного участия в будущей политической жизни России»¹⁵. Второй вариант программы (1885) совершенно забыл о «социалистической интеллигенции» и выдвинул в качестве революционной силы рабочий класс, создавший свою социал-демократическую партию. *Первый вариант программы признавал необходимость террористической борьбы против абсолютизма, как заявляли и делали народовольцы. Второй вариант предусматривал террор со стороны рабочего класса, если это окажется нужным в интересах борьбы.*

Так, Л. Дейч писал революционерам в Россию, что «под политической борьбой мы вовсе не понимаем одно совершение террористических актов, которые могут занимать некоторое место в практической деятельности русских революционеров, что зависит от данных современных условий, но в программу партии как неизменный прием не должны быть внесены, так как с получением какой бы то ни было политической свободы эти акты не могут и не должны уже совершаться, хотя политическая борьба может и должна впредь вестись...»¹⁶

Группа интенсивно распространяла марксистские сочинения ее руководителя Плеханова «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «Русский рабочий в революционном движении» и др. Приняв марксизм как политическое учение, Плеханов ортодоксально и бескомпромиссно его исповедовал. И, как писал хорошо знавший Плеханова народоволец Л. Тихомиров: «Плеханов принадлежал к числу тех, которые были более марксисты, чем сам Карл Маркс»¹⁷. Считается, что группа «Освобождение труда» просуществовала до 1903 г. — до II съезда РСДРП.

Деятельность этого марксистского общества, оторванного от России, протекала довольно вяло. В России тогда об этой организации не знали даже в революционной среде. По утверждению большевика П. Н. Лепешинского, «зарубежные голоса группы „Освобождения труда“ чуть слышным эхом долетали лишь

до ушей редких одиночек»¹⁸. Один из вождей социал-демократии Ю. Мартов писал: «Большинство революционеров 1880-х годов не пошло за группой „Освобождение труда“. Старые верования нелегко уступают место новым, особенно если со старыми верованиями связано такое героическое прошлое. Группа „Освобождение труда“ имела в течение 1880-х годов очень мало сторонников в России, большинство революционеров относились к ее идеям прямо враждебно. Они казались не применимыми в России»¹⁹.

Куда более известны были (впрочем, тоже довольно ограниченно) социал-демократические группы и кружки, возникавшие в России. Первая среди них была создана в Петербурге в 1884 г. и получила громкое название «Партия русских социал-демократов», создал и возглавлял ее болгарский студент Д. Благоев. Термин «социализм» впервые употребил в 1834 г. французский философ и экономист П. Леру. Понятие «социал-демократ» происходит из Германии, где в 1869 г. была создана «Социал-демократическая партия Германии». Маркс не присутствовал на конгрессе в Эйзенахе, где создавалась партия, но там были его сторонники В. Либкнехт, А. Бебель, К. Кляйн и другие. Благоев позднее рассказывал, что ни народничество во всех разновидностях, ни народовольчество не могли быть доказаны с научной точки зрения. И он обратился к трудам К. Маркса и Ф. Лассалья, на изучение которых потратил целый год. Программа благоевской «партии» в качестве мер перехода к социализму намечала отмену частной собственности, замену постоянной армии милицией, установление всех политических свобод. Террор допускался в следующих случаях: 1) когда само население намечает жертвы из среды администрации; 2) когда жертвы выбираются партией из лиц высшей администрации и их гибель будет одобрена общественным мнением; 3) в случаях самозащиты от шпионов. Группа «Освобождение труда» не одобрила программу благоевцев (не из ревности ли?).

Благоевская группа занималась пропагандой среди рабочих и учащейся молодежи. К концу 1884 г. благоевцы развернули нелегальную типографию и приступили к изданию газеты «Рабочий». Полиция бдительно следила за деятельностью группы, и в феврале 1885 г. Благоев был арестован. Но поскольку он был

иностранец и не признал своей принадлежности к социал-демократии, спустя месяц его выслали в Болгарию. Без руководителя партия распалась к 1887 г. По инициативе Благоева болгарские социал-демократические кружки объединились в партию, которая в 1919 г. стала именоваться Болгарской коммунистической партией. Таким образом, Благоев предстает в истории социал-демократии как создатель сразу двух партий.

В эти годы в России возникали и другие социал-демократические кружки. Так, технолог М. И. Бруснев организовал вместе с М. Егуповым и В. Ванновским социал-демократические кружки сначала в 1889 г. в Петербурге, а затем в 1891 г. в Москве. Московский кружок в исторической литературе иногда называют «егуповским кружком». Арестованный Московским охранным отделением, Егупов дал откровенные показания на тридцати семи листах, что привело к многочисленным арестам.

Ведущий лидер партии социалистов-революционеров, а в 1890-е годы член нескольких народнических кружков, В. Чернов весьма точно подметил общие для большинства участников марксистских групп черты: «Он [марксизм] в то время едва выходил из целого ряда маленьких лабораторий, приготовляющих свежее испеченных, но уже совершенно законченных, фанатически убежденных сторонников нового мирозерцания... Среди нас [эсеров] было больше индивидуального разнообразия, пестроты и шатания во взглядах, среди „них“ взгляды были словно остриженными под гребенку и обмундированными по одному фабричному образцу... Они были сплоченнее нас: новизна их учения на русской почве заставляла их вырабатывать массовое тяготение друг к другу и противопоставлять себя всему миру. Марксисты складывались на наших глазах в какое-то воинствующее духовное братство, которое объявило непримиримую войну всему остальному и всех немарксистов сваливало в одну кучу...»²⁰

Безусловно, окончательное внедрение и развитие марксизма в России правомерно связано с именем Владимира Ильича Ульянова-Ленина (1870—1924).

В августе 1893 г. в Петербург приехал молодой марксист В. Ульянов. Советская официальная историография утверждает, что Ленин якобы уже в это время стал «признанным руко-

водителем петербургских марксистов», взял на себя руководство рабочими кружками, а параллельно формировался «как вождь рабочего класса»²¹. Подобные декларации, мягко говоря, ни в малейшей степени не соответствуют реальности того времени. Участник ряда петербургских социал-демократических кружков К. М. Тахтарев, вспоминая эти годы, писал, что Ленин был известен среди рабочих Невской заставы всего-навсего как один из пропагандистов по кличке «Лысый»²². Другой революционер, ставший позднее большевиком-ленинцем, отмечал, что в Ленине невозможно было предвидеть вождя, и «многие его современники не отнесли ни к нему самому, ни к его произведениям с тем вниманием и в той степени, как он и его произведения того заслуживали»²³. Полиция, изначально контролировавшая деятельность социал-демократов, также не выделяла Ульянова каким-то особенным образом. Филеры, следившие за ним, постоянно путали его, из-за некоторого сходства, с другим социал-демократом, В. В. Старковым.

Идеи Маркса буквально целиком захватили молодого Ульянова, особенно догмы о классах и классовой борьбе и диктатуре пролетариата, хотя Маркс и не разработал четко понятие «диктатуры пролетариата». В январе 1894 г. в Петербург под видом консультации с врачами приехал будущий лидер российских меньшевиков Юлий Осипович Цедербаум (больше известен под литературным и партийным псевдонимом Мартов; 1873—1923), к тому времени уже сосланный под надзор полиции в Вильно. Славившийся своей энергичностью Мартов активно знакомился с жизнью столичной социал-демократии. Не миновала его внимания и работа В. Ульянова «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» (1894). Много позднее Мартов писал, что от текста брошюры веяло «подлинной революционной страстью и плебейской грубостью...»²⁴

Спустя некоторое время, в начале октября 1895 г., Мартов окончательно переехал в Петербург, где вскоре познакомился с Лениным. Еще до этого, в апреле 1895 г., Ленин выехал в Европу для знакомства с социал-демократическим движением и установления связи с группой «Освобождение труда». Там он встречался с Плехановым и другими членами группы, а также с марксистами

Подем Лафаргом и Вильгельмом Либкнехтом. В декабре 1895 г. был основан «Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса», сплотивший в единую организацию социал-демократические кружки Петербурга.

В советской историографии безапелляционно утверждалось, что «Союз борьбы» создан Лениным. Но на самом деле простой анализ имеющихся фактов показывает, что только часть этого утверждения является истиной, а именно — В. И. Ленин в числе многих других социал-демократов внес свой вклад в организацию «Союза». Потребность в объединении социал-демократов к этому времени вполне назрела. В Петербурге сложились две группы социал-демократов, условно «старики» и «молодые». К «старикам» принадлежали В. Ульянов, Г. Кржижановский, С. И. Радченко, В. В. Старков и другие. Группу «молодых» возглавлял студент-технолог И. В. Чернышёв, его правой рукой был зубной врач Н. Н. Михайлов, еще с 1892 г. состоявший на службе в Петербургском охранном отделении. Ю. Мартов не принадлежал в это время ни к одной из групп.

В начале ноября 1895 г. в квартире супругов Л. Н. и С. И. Радченко на Выборгской стороне состоялось объединительное заседание социал-демократических групп. Был создан некий «центр» пока не существующей организации. В него вошли: дворянин В. И. Ульянов (присяжный поверенный), выходец из купеческой семьи Ю. О. Мартов (недоучившийся студент Петербургского университета), дворянин Г. М. Кржижановский (студент Петербургского технологического института), выходец из семьи чиновника М. А. Сильвин (студент юридического факультета Петербургского университета), В. М. Тренюхин (студент Института инженеров путей сообщения), Я. М. Ляховский (студент Медико-хирургической академии), дворянка Н. К. Крупская (преподавательница воскресной школы Петербурга), С. А. Гофман из семьи железнодорожного служащего (студент математического отделения Петербургского университета), студенты Технологического института В. В. Старков, из семьи чиновника, А. А. Ванеев, из семьи чиновника, П. К. Запорожец, Я. П. Пономарев, А. Л. Малченко и С. И. Радченко, курсистки З. П. и С. П. Невзоровы, А. А. Якубова.

Сложилась довольно необычная ситуация: защищать интересы рабочих должны были интеллигенты, ибо среди руководящего состава не было ни одного рабочего, хотя среди рядовых членов организации рабочие встречались, например Б. И. Зиновьев, Н. Г. Полетаев, И. В. Бабушкин и др. Такой интеллигентский состав руководящего центра, по воспоминаниям Мартова, ему не понравился, и на первом же заседании им «был поднят вопрос о ненормальности такого положения для организации, претендующей на руководство рабочим движением»²⁵. Этот вопрос был поставлен на обсуждение. Были мнения за и против, но в конечном счете интеллигентский состав руководящего центра сохранился. Структура организации строилась на принципах демократического централизма, строжайшей дисциплине и конспирации. Для удобства ведения пропаганды Петербург был разбит на три района, где в качестве руководителей действовали члены центрального руководства.

Мартов вспоминал: «Положение, создавшееся при нас, когда „Союз борьбы“, рассматривающийся рабочими как их массовая организация, фактически находился в руках двух десятков интеллигентов, составлявших ядро, которое опиралось на ряд разрозненных и лишь через посредство этого ядра связываемых кружков, — такое положение, сохранившееся в течение всего 1896 года, не могло удовлетворить рабочих по мере того, как росло число тех из них, которые активно участвовали в партийной работе»²⁶.

В начале декабря 1895 г. был подготовлен первый номер газеты «Рабочее дело». Ленин написал для него передовую статью «К русским рабочим». Однако напечатанный номер в свет не вышел. В ночь с 8 на 9 декабря была арестована часть руководящего центра организации: Ленин, Запорожец, Старков, Ванеев, Кржижановский и рабочий Шелгунов. При этом у Ванеева полиция конфисковала готовый номер газеты.

Несмотря на строжайшую конспирацию, полиция была прекрасно осведомлена о деятельности этой социал-демократической организации, так как в ее рядах находился агент полиции Н. Михайлов, который поставил полиции нужные сведения. Но деятельность группы не прекратилась — новое руководство состояло из Мартова, Ляховского, Радченко и Сильвина.

Чтобы создать у властей ощущение, что «очаг» революционной деятельности не был затронут арестом, группа выпустила от имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» составленную Мартовым декларацию, где говорилось, что организация намерена продолжать борьбу.

Первоначально социал-демократы предполагали назвать организацию «Рабочее дело», как и газету. Но после первого ареста было решено отказаться от этого названия, чтобы не связывать оставшихся на свободе с арестованными. Рассмотрев разные мнения, по предложению Мартова выбрали название «Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

5 января 1896 г. был произведен очередной арест как руководящего состава (Мартов, Ляховский, Пономарев), так и рядовых членов «Союза». Затем последовали и другие аресты. Всего по делу «Союза» был арестован 251 человек. «Главарем» организации власти посчитали Запорожца, признав его автором статей, предназначенных для «Рабочего дела». В этом заключается некая историческая загадка. За несколько дней до первого ареста Запорожец вызвался переписать своей рукой статьи, написанные Лениным для газеты, — якобы из-за «характерности» почерка Ленина, и последний на это согласился. В результате Ленин оказался в стороне, а Запорожец, пошедший на это самоубийственное действие, оказался за все в ответе²⁷.

В ходе следствия многие члены «Союза», в том числе рабочие П. Михайлов, К. Г. Царьков, давали полиции откровенные показания. А еще один рабочий — И. П. Котельников — заявил на следствии, что посещал социал-демократический кружок «единственно с целью разузнать, что там происходит, и доносить о том в Охранное отделение»²⁸. Хотя «Союз» и боролся за права рабочих и вообще за освобождение рабочего класса, многие рабочие понимали эту борьбу интеллигентов за их освобождение по-своему. Так, члены кружков рабочие В. Волынкин и П. Михайлов брали деньги из общей кассы, предназначенной для пострадавших рабочих, а затем проигрывали эти суммы в бильярд или пропивали. А однажды пьяный Михайлов начал кричать на улице: «Мы — социал-демократы, кто нас тронет — расшибем»²⁹.

21 декабря 1895 г. жандармский подполковник М. Я. Клыков в присутствии товарища прокурора Петербургской судебной палаты А. Е. Кичина официально допросил арестованного В. И. Ульянова. Допрашиваемый произнес исторические слова: «Не признаю себя виновным в принадлежности к партии социал-демократов или какой-либо другой партии, о существовании в настоящее время какой-либо противоправительственной партии мне ничего не известно»³⁰. Осторожность или, может быть, страх Ульянова перед предстоящим возмездием был мало оправдан, так как правительство в тот момент, да и в дальнейшем, довольно снисходительно относилось к деятельности социал-демократов, считая их борьбу скорее экономической, чем политической.

Среди основных «заправил» оказался П. К. Запорожец (по ошибочному мнению полиции, он был руководителем организации, проходя в списке обвинения под № 1), в докладе по дознанию сказано: «Студент С.-Петербургского технологического института Петр Кузьмин Запорожец является одним из главных деятелей сообщества; он составил найденные у Анатолия Ванеева статьи революционного содержания для задуманной социал-демократами подпольной газеты „Рабочее дело“, а также написал оказавшуюся у обвиняемого Малченко статью „Борьба с правительством“, хранил значительное число противоправительственных изданий и распространял их среди рабочих»³¹. Под № 2 числился Г. М. Кржижановский, В. И. Ленин проходил под № 3, Ю. О. Мартов — под № 6. Ульянов, Кржижановский, Ляховский, Старков, Мартов и Ванеев получили по три года ссылки в Восточную Сибирь, и лишь Запорожец, как «главный», получил пять лет ссылки. Однако в тюрьме он психически заболел, был отдан на попечение родителей. Прожив несколько лет на Украине, он однажды набросился на свою мать с ножом, был помещен в 1905 г. в психиатрическую больницу, где вскоре умер.

По ходатайству родственников некоторым ссыльным, в том числе Ульянову, разрешили ехать в Сибирь за свой счет в качестве вольных пассажиров, а кроме того, всем было разрешено перед отправкой в ссылку четыре дня провести на свободе для улаживания своих дел. Семеро из руководителей «Союза» (Мартов, Ульянов, Ванеев, Запорожец, Кржижановский, Малченко

и Старков) сфотографировались вместе, впоследствии этот снимок публиковался во многих советских изданиях.

Несколько раньше, чем в Петербурге, был организован социал-демократический «Московский рабочий союз» (апрель 1894 г.). Советская историография без всяких оснований приписывает его создание инициативе В. И. Ленина. Созданный «Союз» сразу же оказался под пристальным вниманием Московского охранного отделения. Уже в июне 1895 г. большинство членов «Союза» были арестованы. Однако в 1896 г. «Союз» возродился. В разное время этот «Союз» возглавляли С. И. Мицкевич, А. Н. Винокуров, М. Н. Лядов, М. Ф. Владимирский, В. В. Воровский, И. Ф. Дубровинский. После «возрождения» ответственным секретарем организации был назначен Л. Н. Рума, по совместительству агент начальника Московского охранного отделения С. В. Зубатова. С помощью Румы и других агентов охранное отделение играло с «Союзом» в кошки-мышки, по мере необходимости и время от времени арестовывая его членов.

В целом же социал-демократическое движение в Москве по сравнению с Петербургом в конце XIX века было незначительно. Об этом хорошо знала полиция, ибо все, что касалось деятельности революционеров, тщательно фиксировалось. Так, в ноябре 1894 г. директор Департамента полиции Н. И. Петров сообщил московскому обер-полицмейстеру А. А. Власовскому: «До Рождества минувшего года в Москве будто бы было лишь пять человек, сочувствующих социал-демократическому движению, к апрелю же текущего года число это возросло до 20»³². И все-таки число членов постоянно возрастало, и в начале 1898 г. «Московский рабочий союз» был переименован в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

В первые годы советской власти не прекращался исторический спор, Москва или Петербург является пионером становления марксизма в России и в каком из этих городов марксисты были «лучше». Так, уже в первые послеоктябрьские годы Н. П. Овсянников писал, что социал-демократические организации Петербурга «отличались большей прочностью и сопротивляемостью полицейскому нажиму, чем в Москве»³³. Напротив, Н. И. Бухарин

утверждал, что «московские организации славились всегда своей революционной чистотой»³⁴.

Но, конечно же, важнейшей, признанной всей историографией вехой в становлении российского марксизма явился I съезд Российской социал-демократической партии, происходивший в то время, когда ведущие социал-демократы находились в ссылке или эмиграции. Этот съезд проходил 1—3 марта 1898 г. в Минске, в маленьком домике на берегу реки Свислочь. Присутствовали девять делегатов, представлявших шесть местных социал-демократических организаций: С. И. Радченко — от Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», А. А. Ванновский — от Московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», П. Л. Тучапский — от Киевского «Союза борьбы», К. А. Петрусевиц, бывший член Польской социал-демократической группы, — от Екатеринославского «Союза борьбы», Б. Л. Эйдельман и Н. А. Вигдорчик — от Киевской «Рабочей газеты», А. И. Кремер, А. Я. Мутник (Мутникович) и Ш. Кац — от Бунда.

Все организационные вопросы, связанные с проведением съезда, взял на себя «Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России» (Бунд). Всего состоялось шесть заседаний съезда. Председатели не избирались. Протоколов на заседаниях не велось. Вначале предполагалось назвать партию «Всероссийский союз борьбы за освобождение рабочего класса», но из-за громоздкости и трудности перевода названия на иностранные языки от него отказались. Далее рассматривалось название «Русская социал-демократическая партия». Члены Бунда предложили заменить «Русская» на «Российская». Термин «рабочая» решили не вносить в название из-за ничтожного количества рабочих в рядах социал-демократии. По согласованию с бундовцами, Радченко предложил написать манифест съезда известному марксисту П. Б. Струве, по настоянию которого в названии появилось слово «рабочая». В манифесте говорилось о возросшем значении и силе российского пролетариата, который борется за свое освобождение, за социализм, и далее: «Чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении и слабее, трусливее и подлее становится буржуазия и тем большие культурные, политические задачи выпадают на долю пролетариата. На своих крепких

плечах русский рабочий класс должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы»³⁵.

Съезд провозгласил создание марксистской партии — РСДРП и избрал Центральный Комитет партии (Эйдельман, Радченко, Кремер). Надо сказать, что дух конспирации к тому времени уже основательно пропитал все структуры социал-демократии. В частности, организация съезда именно потому и была поручена Бунду, что его члены «славились своей конспиративностью и революционной опытностью, через Бунд шла главным образом доставка социал-демократической литературы из-за границы»³⁶. На съезде Бунд получил право автономии в РСДРП, а все «союзы борьбы» стали именоваться комитетами РСДРП.

Участник съезда Тучапский вспоминал:

«Вечером 3 марта мы все собрались на прощальную вечеринку перед отъездом. Настроение у всех было приподнятое: мы чувствовали и сознавали, что положили начало великому делу объединения рабочего класса всей России в борьбе за светлое будущее, за социализм!

Скромный ужин с пивом сопровождался искренними тостами, пожеланиями успеха в дальнейшей борьбе... „Пусть вновь рожденная партия не будет мертворожденным детищем!“ — вот один из тостов, который, в сущности, был содержанием и всех остальных»³⁷.

Конспиративность и келейность этой сходки привели к тому, что в итоге основная масса российской социал-демократии узнала о первом съезде только после его окончания. Б. И. Горев вспоминал: «Выборы на I съезд партии были произведены 3—4 лицами, ближайшими к С. И. Радченко, а вся „периферия“ по „конспиративным“ соображениям о съезде и не подозревала»³⁸. Много позже член Петербургского «Союза борьбы» К. М. Тахтарев писал: «Образование РСДРП было, впрочем, неожиданностью и для большинства членов тех самых организации, „делегаты“ которых явились на минский съезд, о созыве которого не знал не только ни один рабочий, но и большинство интеллигентов, принимавших самое деятельное участие в этих организациях»³⁹. Тахтарев назвал делегатов съезда «самоизбравшимися», а образование партии — «самочинным». По мнению известного соци-

ал-демократа рабочего И. В. Бабушкина, входившего в то время в екатеринославскую организацию, интеллигенция, пославшая своих представителей на съезд без ведома рабочих, «поступила неправильно и даже преступно против рабочих»⁴⁰. А близкий к Ленину социал-демократ И. Х. Лалаянц, оценивая минский съезд, писал, что собран он был без всякой подготовки, по сути дела не имел никакого представительства и потому не мог решать задач, стоявших перед ним⁴¹.

Находившийся в ссылке Мартов с восторгом встретил известие о создании РСДРП. Ссылный Ленин узнал об этом событии в мае 1898 г. от приехавшей к нему Н. К. Крупской. Старый большевик П. Лепешинский рассказывал, как встретил Ленин эту весть: «Он радовался как ребенок. Он с величайшей гордостью заявил нам, своим ближайшим товарищам по ссылке и единомышленникам, что отныне он член Российской социал-демократической партии. Мы тоже все с большим удовольствием подхватили этот новый для нас мотив и как будто сразу выросли в своих собственных глазах»⁴². Социал-демократ В. П. Махновец-Акимов писал: «Голос одного человека, голос физической личности — будь она даже головою выше всех своих современников — был бы слишком слаб для провозглашения этого единства. Нужна была фикция коллективного голоса всей партии, которая бы сказала самой себе: „Я — партия“. И эта фикция, этот призрак партии [у Маркса в «Манифесте» был призрак коммунизма] был создан первым съездом»⁴³. В современной брошюре, посвященной 90-летию созыва съезда, сказано: «Известие о съезде было с воодушевлением воспринято всеми революционными социал-демократами, которые вели подпольную работу в самых разных уголках России»⁴⁴.

Какие бы ни высказывались мнения в стремлении принизить значение съезда — РСДРП была создана, и каждый социал-демократ как в России, так и в эмиграции имел право считать себя членом партии. Отметим, что вся эта *тайнственность и конспиративность, даже в отношении единомышленников, так шокировавшая многих социал-демократов, дезориентировала и полицию*. Правда, Московское охранное отделение вскоре после съезда арестовало семерых участников съезда, включая членов ЦК, но агенты

Зубатова приехали в Минск, ничего не зная о съезде, для наблюдения за членами Бунда. Лишь спустя три с половиной месяца после съезда в руки начальника Заграничной охраны П. Рачковского попал номер издаваемого за рубежом «Листка работника», где от имени минского социал-демократического съезда был опубликован «Манифест», сочиненный П. Струве. И только после этого Рачковский направил в Департамент полиции соответствующий доклад.

Интерес представляет анализ показаний арестованного участника съезда А. А. Ванновского. В показаниях от 28 октября 1898 г. этот социал-демократ, член Московского «Союза борьбы», сказал: «Я не могу считать себя членом „Союза“, так как я действовал в силу личных отношений, а не по долгу, т. е. я и не был связан с организацией никакими постоянными обстоятельствами. Я не считаю также себя социал-демократом, ибо не занимался развитием сознания рабочих»⁴⁵.

Однако 9 ноября этого же года на допросе Ванновский показал: «Я ездил делегатом от Московского „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“ на съезд, бывший в Минске в конце февраля»⁴⁶. Непонятно, что могло изменить мировоззрение этого социал-демократа менее чем за две недели нахождения в Московском охранном отделении, ибо, насколько нам известно, Зубатов не практиковал при дознании пыток или каких-либо моральных истязаний.

29 января 1899 г. начальник Московского охранного отделения С. В. Зубатов направил начальнику Особого отдела Департамента полиции Л. А. Ратаеву доклад, в котором с некоторыми неточностями сообщались сведения о съезде: «Вследствие письма от 29 декабря минувшего года за № 2277 имею честь уведомить Ваше Высокоблагородие, что по имеющимся вполне конфиденциальным сведениям съезд представителей нескольких местных революционных организаций, на котором было провозглашено объединение последних под общим названием „Российской социал-демократической рабочей партии“, происходил в г. Минске с 28 февраля по 4-е марта 1898 г.»⁴⁷

Очевидно, что среди участников съезда не было никаких рабочих, а это были в основном интеллигенты (можно считать

исключением рабочего-часовщика бундовца Каца, но, скорее всего, он был мастеровой), действующие от имени российского пролетариата. Дальнейшая судьба этих интеллигентов, «отцов» российской социал-демократии, вероятно, заслуживает отдельного исследования. Скажем о них кратко. С. И. Радченко (1869—1911), член Петербургского «Союза борьбы», закончил Технологический институт, с 1906 г. отошел от всякой политической деятельности. А. А. Ванновский (1874—1967), дворянин, получивший военное образование, после ссылки участвовал в революционном движении как меньшевик, в 1918 г. (по другим сведениям, в 1919 г.) эмигрировал в Японию, где стал известен как филолог и философ. Он прожил самую долгую жизнь из всех участников съезда. П. Л. Тучапский (1869—1922), сын священника, учился на медицинском факультете Киевского университета, позже стал меньшевиком, а затем отошел от политической деятельности. Б. Л. Эйдельман (1867—1939), студент медицинского факультета Киевского университета, позже вступил в ВКП(б), занимал должности в советских учреждениях. Н. А. Вигдорчик (1874—1954), студент-медик, отошел от политической деятельности, работал врачом, в советское время подвергался репрессиям. К. А. Петрусевич (1872—1949), юрист, после ссылки отошел от политики, работал адвокатом и преподавал в Виленском университете. Что касается членов Бунда, то А. И. Кремер (1865—1935), студент Политехнического института и один из основателей Бунда, в 1906—1907 гг. член ЦК РСДРП, затем отошел от политической деятельности, жил в Италии и Франции, с 1921 г. работал в бундовской организации в Литве; А. Я. Мутник (1869—1930) слушал лекции в Берлинском политехникуме, был выслан за принадлежность к РСДРП, участник 5-го съезда РСДРП, затем эмигрировал в Германию, где издавал газету; Ш. Кац (1878—1928), выехав в США, работал в бундовской газете в Нью-Йорке.

Деятельность марксистов (особенно их объединение) в это время начинает беспокоить полицию, и в недрах Департамента полиции возникает замысел — для нейтрализации этой идеологии создать легальный печатный марксистский орган, который позволил бы «высветить» социал-демократические настроения среди интеллигентов и их конкретных носителей. В 1899 г. на средства

полиции был основан первый в России марксистский журнал «Начало». Идея создания «Начала» была разработана начальником Московского охранного отделения С. В. Зубатовым при участии начальника Особого отдела Департамента полиции Л. А. Ратаева. Если верить «Советскому энциклопедическому словарю», то фактическими редакторами «Начала» были П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, А. Н. Калмыкова. Там же говорится, что в журнале печатались Ленин и Плеханов⁴⁸.

Советские «энциклопедисты» совершенно сознательно, в угоду правящей идеологии, искажают истину, так как официальным редактором-издателем журнала числилась дворянка А. А. Воейкова, фактически всеми делами журнала заправлял ее сожитель М. И. Гурович, успешно сочетавший работу во имя торжества идей социализма со службой в Департаменте полиции. Среди сотрудников и авторов «Начала» были люди, составлявшие цвет русской интеллигенции: В. И. Вернадский, Н. Г. Гарин-Михайловский, Д. С. Мережковский, С. Ф. Ольденбург, Н. А. Рубакин, Е. В. Тарле, А. П. Чехов и др.

Гурович, участник революционного движения 1880-х гг., был сослан в Сибирь, где и предложил свои услуги полиции. В кругах революционеров, включая социал-демократию, этот человек пользовался безграничным доверием, которое особенно возросло после того, как он предоставил революционным эмигрантам для «конспиративной» переписки «абсолютно надежный» адрес своей сожительницы Воейковой⁴⁹.

Несмотря на очевидную пользу, которую приносил полиции марксистский журнал, вреда, как оказалось, от него было еще больше из-за открытой пропаганды социал-демократических идей. Поэтому в середине 1899 г. специальным решением Комитета министров издание «Начала» было приостановлено, а Главное управление по делам печати распорядилось изъять его из библиотек. Гурович же остался вне подозрений в социал-демократической среде. Публицист А. Изгоев писал: «М. Гурович был безнравственен и порочен, но служил революции, и ему все прощали революционеры»⁵⁰. Как полицейский агент Гурович был разоблачен в 1902 г.

Хотя бесспорно, что первый съезд русских марксистов основал РСДРП, а все российские марксисты

формально могли считать себя членами новой партии, все же «удельный вес» съезда, как и партии, был невелик. Русские социал-демократы понимали, что нужно продолжать работу по внедрению марксизма в русскую жизнь. Вроде съезд был и все неплохо, а вроде ничего не было и всю работу надо начинать с нуля. На этом фоне вызревает идея о создании общерусской социал-демократической газеты.

Считается, что Ленин (Ульянов), находясь в ссылке в селе Шушенском, задумал там план издания общерусской марксистской газеты. Это было время, когда среди социал-демократов получили огромное влияние так называемые «экономисты» (С. Н. Прокопович, Е. А. Кускова, В. Н. Кричевский и др.), которые считали, что рабочие должны бороться прежде всего за свои экономические интересы. Также в России появлялись свои «ревизионисты», предлагавшие обновить догмы покойного Маркса. К ним относятся так называемые «легальные марксисты»: П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, Н. А. Бердяев и др. Находившиеся в ссылке вожди «Союза борьбы», разумеется, знали обо всем, что происходило в Центральной России. Ссылные вели между собой переписку, обмениваясь мнениями по поводу разброда и шатания в рядах социал-демократии. Так, в конце ссылки Мартов получил от Ленина письмо, в котором последний предлагал «тройственный» союз (Мартов, Ленин и Потресов) для борьбы с «экономизмом» и «ревизионизмом». По окончании ссылки в январе 1900 г. Ильич приехал в Псков, где ему разрешили поселиться. Туда же прибыли Мартов и Потресов. После многих обсуждений и встреч Ленин составил проект объявления о выходе газеты «Искра». В мае того же года начальник Псковского губернского жандармского управления генерал-майор князь Дивлет-Киндеев выдал Ульянову заграничный паспорт сроком на шесть месяцев. Оставив нелюбезное отечество, Ленин поселился в Швейцарии, где вместе с Ю. Мартовым, Г. Плехановым, В. Засулич, А. Потресовым и П. Аксельродом основал нелегальную социал-демократическую газету «Искра». В декабре 1900 г. заведующий Заграничной агентурой П. Рачковский сообщил директору Департамента полиции, что у социал-демократического кружка за границей в наличии три вожака: Ульянов, Мартов и Потресов, и что Ульянов предла-

гает перевести борьбу с правительством с экономических рельс на политические с применением насильственных действий. Как раз в это время был подготовлен первый номер «Искры», но в печати этот номер появился лишь в январе 1901 г. Кроме «Искры», редакция газеты наладила выпуск социал-демократического журнала «Заря». В Российской империи нелегальная «Искра» довольно широко распространялась через агентов.

Местопребыванием редакции газеты сначала был избран Мюнхен, позднее — Лондон. В редакцию газеты вошли: В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Ю. О. Мартов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, А. И. Потресов. С апреля 1901 г. секретарем редакции стала супруга Ленина Н. К. Крупская. Создание «Искры» явилось своего рода прологом к вторичному созданию РСДРП. В 1902 г. В. И. Ленин опубликовал работу под названием «Что делать?», в которой вновь подверг критике «экономистов» и поставил вопрос о партийном строительстве, ибо созданная РСДРП его и других социал-демократов никак не устраивала. По мнению Ленина, небольшая кучка высокоорганизованной революционной интеллигенции вполне могла стать авангардом стихийного рабочего движения, авангардом революции. Пока «фикция партии» или «призрак партии» бродили по России, Ленин был занят тем, чтобы дать этому бесплотному «призраку» настоящую жизнь. «...Дайте нам организацию революционеров, — с пафосом восклицал он, перефразируя слова Архимеда, — и мы перевернем Россию»⁵¹. Один из биографов Ленина отмечает, что в этой работе не было ничего марксистского — она целиком построена на взглядах Д. Писарева и С. Нечаева.

Созыву II съезда РСДРП предшествовали довольно длительная грызня и интриги между различными социал-демократическими группами и кружками. За это время сильно «поправел» автор «Манифеста I съезда РСДРП» Струве, превратившись из «товарища» во врага для Ленина и других радикальных марксистов. В 1902 г. Ленин, живший тогда в Англии, в беседе с К. Тахтаревым сравнивал Струве с народовольцем Л. Тихомировым, ставшим монархистом, и даже сказал при этом, что Струве, мол, хорошо бы убить⁵². Однако Струве умер своей смертью в 1944 г. за границей, пережив Ленина на двадцать лет.

Второй съезд РСДРП проходил 17 (30) июля — 10 (23) августа 1903 г. сначала в Брюсселе, а затем в Лондоне. Всего в съезде участвовали 43 делегата с 51 решающим голосом и 14 делегатов с совещательным голосом. Участники представляли 26 социал-демократических организаций. На съезде развернулась яростная борьба между группировками. Может быть, один только В. И. Ленин знал, что это не просто борьба за чистоту идей Маркса против «экономистов» и «оппортунистов», но уже настоящая борьба за будущую власть. Ленин поставил себе задачу не просто создать партию, а создать боевой отряд, почти армию с жесткой дисциплиной.

Конечно, нельзя вваливать все последующие беды на цинизм, беспринципность и властолюбие Ленина. Приведем один из примеров съездовской дискуссии. В выступлении искровца В. Е. Мандельберга (Посадовского) был поставлен вопрос: нужно ли подчинять будущую партийную политику демократическим ценностям или демократические ценности должны быть подчинены выгодам партии? Мандельберг ответил сам себе: «Нет ничего такого среди демократических принципов, чего мы не должны были бы подчинить выгодам нашей партии»⁵³.

Еще больший интерес представляет выступление выдающегося марксиста Плеханова. Приведем его полностью: «Вполне присоединяюсь к словам т. Посадовского. Каждый данный демократический принцип должен быть рассматриваем не сам по себе в своей отвлеченности, а в его отношении к тому принципу, который может быть назван основным принципом демократии, именно к принципу, гласящему, что *salus populi suprema lex* [«Благо народа — высший закон»]. В переводе на язык революционера это значит, что успех революции — высший закон. И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться. Как личное свое мнение, я скажу, что даже на принцип всеобщего избирательного права надо смотреть с точки зрения указанного мною основного принципа демократии. Гипотетически мыслим случай, когда мы, социал-демократы, высказались бы против всеобщего избирательного права. Буржуазия итальянских республик лишала

когда-то политических прав лиц, принадлежащих к дворянству. Революционный пролетариат мог бы ограничить политические права высших классов, подобно тому, как высшие классы ограничивали когда-то его политические права. О пригодности такой меры можно было бы судить лишь с точки зрения правила *salus revolutiae suprema lex* [«Благо революции — высший закон»]. И на эту точку зрения мы должны были бы стать и в вопросе о продолжительности парламентов. Если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент — своего рода *chambre introuvable* [«незаменимая палата», выражение Людовика XVIII], — то нам следовало бы стараться сделать его долгим парламентом; а если бы выборы оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а если можно, то через две недели»⁵⁴.

Из этого примера дискуссии на II съезде мы видим, что *именно здесь теоретически закладывались основы будущей диктатуры одной партии, основы построения тоталитарного государства*. Что касается дальнейшей партийной эволюции Плеханова и Мандельберга, оба вскоре стали меньшевиками. Мандельберг позднее стал сионистом и эмигрировал в Палестину.

Программа РСДРП была подготовлена к съезду Плехановым и Лениным. Съезд принял эту программу, в первой части которой (программа-минимум) излагались задачи буржуазно-демократической революции: свержение самодержавия и установление демократической республики с предоставлением народам России всех прав. Вторая часть программы (программа-максимум) заключала в себе конечную цель деятельности партии: пролетарская революция, установление диктатуры пролетариата и построение в дальнейшем социализма. Устав партии разработал Ленин. В нелегальной партии утверждался принцип так называемого демократического централизма, предполагавший жесткое подчинение низовых организаций высшим органам партии, исключалась всякая автономия по национальному признаку. В знак протеста съезд покинули представители Бунда и Социал-демократии Королевства Польского и Литвы. Мартов назвал введение этого принципа «осадным положением» в партии. Вскоре после

II съезда он решительно осудил «весь разврат этого построения партии на началах систематического подавления каких бы то ни было частей партии, подавления не силой общественного мнения, не влиянием лучше выполненной работы, а исключительно по „уставу“, силой власти...»⁵⁵.

Основной раскол между участниками съезда произошел при обсуждении первого параграфа Устава партии. Съезд раскололся на «мягких» и «твердых» искровцев. Из членов редакции «мягкого» Мартова поддержали Аксельрод, Засулич и Потресов. «Твердого» Ленина поддержал лишь Плеханов. Суть спора состояла в том, что, по Мартову: «Членом РСДРП считается всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций»⁵⁶, по Ленину: «Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций». При голосовании сторонники Мартова получили большинство. Сторонники Ленина остались в меньшинстве, но взяли реванш при формировании центральных учреждений партии, где они приобрели большинство. Так образовались фракции «большевиков» (ленинцы) и «меньшевиков» (мартовцы). Современный исследователь пишет: «За Мартовым было большинство делегатов съезда при принятии стратегически важного решения о дальнейшем организационном строении партии, а Ленин приобрел большинство голосов случайно, после ухода со съезда части потенциальных сторонников Мартова и при обсуждении текущих вопросов, каковыми являлись выборы руководства партии»⁵⁷. Результат съезда оказался для всех социал-демократов неожиданным — во главе партии оказалось некое «большинство», бывшее в партии фактически «меньшинством».

Обобщая результаты работы съезда, социал-демократ Л. Д. Троцкий, бывший в начале съезда совершенным ленинцем (участники съезда называли его «дубинкой Ленина»), после, разочаровавшись в своих увлечениях, писал: «Если мы оглянемся на содержание нашей работы — не только на „содержание“ нашего сознания, нашей программы или нашего Центрального

органа, то мы увидим стоящую над пролетариатом „партию“ (то, что считают партией тов. Ленин и его единомышленники), вернее сказать — организацию, на три четверти, если не девять десятых, состоящую из марксистской интеллигенции, руководящую примитивными проявлениями классовой (экономической и политической) борьбы пролетариата...»⁵⁸

Однако тот же Л. Д. Троцкий, прошедший с Лениным путь строительства тоталитарной системы, писал уже по-другому, вспоминая время съезда: «Мартов гораздо больше жил сегодняшним днем, его злобой, текущей литературной работой, публицистикой, новостями и разговорами. Ленин, подминая под себя сегодняшний день, врезывался мыслью в завтрашний. У Мартова были бесчисленные и нередко остроумные догадки, гипотезы, предложения, о которых он сам часто вскоре забывал, а Ленин брал то, что ему нужно, и тогда, когда ему нужно»⁵⁹.

Расколовшись на группы, бывшие друзья и единомышленники стали почти непримиримыми оппонентами, почти врагами. Участник съезда большевик А. Шотман вспоминал: «Атмосфера создалась нетерпимая, обе стороны перестали разговаривать и даже здороваться»⁶⁰. Новоиспеченный лидер «большевиков» тоже тяжело переживал раскол и даже заболел какой-то нервной лихорадкой⁶¹. В каком-то смысле можно сказать, что если после I съезда РСДРП партии как таковой еще не существовало (бродил лишь ее призрак), то после II съезда РСДРП ее уже не существовало (партия опять начала превращаться в призрак).

Биограф Ленина Р. Пейн пишет: «На II съезде партии Ленин фактически уничтожил двух своих верных союзников — Мартова, человека тонкой души, еврейского интеллигента, ближайшего помощника по работе, какого у него больше не будет (эту пустоту восполнит Троцкий, но только отчасти); и Веру Засулич, свою покровительницу, благословившую его как наследника нечаевских идей»⁶².

Участник съезда Аксельрод (Ортодокс) писал о расколе: «С этого момента не было почти ни одного события, ни одного крупного и даже не крупного политического шага, где большевистская и меньшевистская фракции оказались бы солидарными, несмотря на то, что и та, и другая придерживались одной и той же общей

программы. И по мере того, как развивались политические события, фракционные разногласия множились, усложнялись, принимая разнообразные и подчас едва уловимые оттенки»⁶³.

За расколом партии последовал и раскол редакции «Искры». Ленин предложил сократить редакцию до трех человек (Ленин, Мартов и Плеханов). В знак протеста Мартов вышел из состава редакции — в ней остались Ленин и Плеханов. Осенью 1903 г. на съезде русской революционной социал-демократии в Женеве во время одного из совещаний Мартов спросил Ленина, помнит ли тот, что когда-то говорил ему по поводу состава редакции «Искры» из трех лиц. По свидетельству К. Тахтарева, Ленин ответил так: «Слушай, Юлий, сказал он мне [т. е. Ленин — Мартову], чего ты боишься редакции, состоящей из трех лиц? Неужели ты не понимаешь, что если мы пойдем с тобой заодно, то Плеханов всегда будет оставаться у нас в меньшинстве и ничего не сможет сделать?»⁶⁴ Узнав о планах Ленина, Плеханов, шокированный его коварством, потребовал расширить состав редакции. Но здесь уже Ленин в знак протеста покинул редакцию. Один из номеров «Искры» вышел под редакцией одного Плеханова. В декабре 1903 г. Плеханов кооптировал в состав редакции всех бывших редакторов, теперь уже меньшевиков: Мартова, Засулич, Аксельрода и Потресова. Раскол был очевиден. К концу 1904 г. большевики основали свой печатный орган — газету «Вперед».

Раскол в верхах партии неизбежно привел к размежеванию в партийных организациях на местах, где появились свои «большевики» и «меньшевики». Ленин начал готовить очередной съезд РСДРП. 15 марта 1904 г. Мартов, возмущенный действиями ленинцев, писал: «Вообще все, взятое вместе, производит впечатление такой тупости, трусости и дрянности, что хотелось сейчас же плюнуть на эту честную компанию»⁶⁵. Эти партийные распри привели к довольно странным вещам: так, 7 февраля 1905 г. ЦК РСДРП постановил «не считать тов. Ленина в числе своих членов, ни членом Совета партии»⁶⁶, а к началу состоявшегося в апреле — мае 1905 г. III съезда РСДРП, оказавшегося исключительно большевистским по составу, так как меньшевики съезд не признали и проигнорировали, выяснилось, что вождем большевизма Ленин... местной организацией исключен из партии.

Ведавшая подготовкой этого съезда Р. С. Землячка с тревогой писала И. М. Гроссману 15 марта 1905 г.: «...Постарайтесь, чтобы мандат от Николаевского к-та передан был т. Ленину, который исключен из партийной организации, а поэтому мандата не имеет»⁶⁷.

Ситуация складывалась более чем скандальная: лидер большевиков мог просто-напросто не попасть на съезд своей же партии. В результате внутрипартийных игр со съездовскими мандатами Ленин все-таки получил мандат от Одесского партийного комитета. Подробности истории с исключением Ленина из партии нам, к сожалению, неизвестны.

На III съезде РСДРП (проходил в Лондоне 25 апреля — 10 мая 1905 г.) все были «свои», все были ленинцы — меньшевики отказались участвовать в этом собрании. На съезде было принято много разных решений. «Лишь на III съезде РСДРП (1905) была исправлена ошибка II съезда РСДРП и принята ленинская формулировка первого параграфа Устава» (Советская историческая энциклопедия)⁶⁸.

Состав участников съезда был исключительно интеллигентский. Печатным органом РСДРП была утверждена газета «Пролетарий». И, конечно, главным редактором стал В. И. Ленин. В Центральный Комитет партии, возглавляемый тем же Лениным, вошли: А. А. Богданов, Л. Б. Красин, Д. С. Постоловский, А. И. Рыков.

Меньшевики, осведомленные о созыве ленинцами съезда, в конце апреля этого же года созвали в Женеве свою конференцию, в которой приняли участие основные лидеры меньшевизма: Плеханов, Мартов, Аксельрод, Засулич, Потресов, Дан. Полного списка участников не сохранилось. Протоколы заседаний не велись. Конференция (Первая общерусская конференция партийных работников) зафиксировала раскол партии. Плеханову это решение не понравилось, и он вышел из редакции «Искры».

В партийных организациях на местах члены РСДРП, особенно рабочие, не понимали суть разногласий в партийных верхах и желали восстановления единства партии. Этого с некоторыми оговорками желали обе фракции. *После проведения третьего съезда РСДРП стало очевидным, что у большевиков появился в лице Ленина настоящий вождь, чего*

нельзя было сказать о меньшевиках, ибо Мартов при его мягкости и подлинной интеллигентности не подходил на роль вождя. «Лидер меньшевиков Мартов, — писал Л. Троцкий, — является одной из самых трагических фигур революционного движения. Даровитый писатель, изобретательный политик, проницательный ум, Мартов был гораздо выше того идейного течения, которое он возглавил. Но его мысли не хватало мужества, его проницательности не доставало воли»⁶⁹.

После съезда Ленин опубликовал брошюру «Шаг вперед, два шага назад», критикуя в ней меньшевиков. Троцкий ответил брошюрой «Наши политические задачи», где подверг резкой критике работы Ленина «Что делать?» и «Шаг вперед». Он писал, что партия по-ленински — это партия, стоящая над пролетариатом. Особенно возмутили Троцкого выпады Ленина против интеллигенции:

«Какое негодование охватывает вас, когда читаете эти безобразные, распушенно-демагогические строки! Пролетариат, тот самый пролетариат, о котором вам вчера еще говорили, что он „стихийно влечется к тред-юнионизму“ [имеется в виду брошюра Ленина „Что делать?“], сегодня уже призывается давать уроки политической дисциплины! и кому? Той самой интеллигенции, которой — по вчерашней схеме — принадлежала роль извне вносить в пролетариат его классовое, его политическое сознание! Вчера он еще ползал во прахе, сегодня он уже вознесен на неожиданную высоту! Вчера она еще была носительницей социалистического сознания, сегодня уже на нее призываются шпицрутены фабричной дисциплины!

И это марксизм! И это социал-демократическое мышление! Поистине нельзя с большим цинизмом относиться к лучшему идейному достоянию пролетариата, чем это делает Ленин! Для него марксизм не метод научного исследования, налагающий большие теоретические обязательства, нет, это... половая тряпка, когда нужно затереть свои следы, белый экран, когда нужно демонстрировать свое величие, складной аршин, когда нужно предъявить свою и партийную совесть!...»⁷⁰

Четвертый (объединительный) съезд проходил в Стокгольме 23 апреля — 8 мая 1906 г. На этом съезде преобладали меньше-

вики — 62 представителя, у большевиков — 46 представителей. Меньшевики называли этот съезд третьим, или просто объединительным, большевики — четвертым. Это был наиболее представительный съезд РСДРП. На нем рассматривалось много разных вопросов:

1. Пересмотр аграрной программы.
2. О современном моменте и классовых задачах пролетариата.
3. О выборах в Думу.
4. О вооруженном восстании.
5. О партизанских выступлениях и другие.

В число партизанских выступлений входили как террористические акты против правительственных чиновников, так и экспроприации, которыми занимались некоторые боевые группы РСДРП, и большевиков, и меньшевиков. Резолюция съезда отвергала экспроприации (грабежи) в отношении частных лиц, но допускала грабежи учреждений Государственного банка, казначейств и пр. Другое дело, что эти решения и после съезда не выполнялись обеими фракциями РСДРП, ибо сам этот съезд был собран в основном на награбленные деньги.

В состав ЦК РСДРП, избранного съездом, вошли семь меньшевиков: Б. А. Бахметьев, Л. И. Гольдман, П. Н. Колокольников, В. Н. Крохмаль, Л. Н. Радченко, В. Н. Розанов, Л. М. Хинчук — и три большевика: В. А. Десницкий, Л. Б. Красин и А. И. Рыков. В состав редакции «Социал-демократа», центрального органа партии, вошли Ф. И. Дан, Ю. О. Мартов, А. С. Мартынов, П. П. Маслов и А. Н. Потресов. Как мы видим, Ленин не попал в число руководителей РСДРП.

Пятый (лондонский) съезд РСДРП проходил 30 апреля — 19 мая (13 мая — 1 июня) 1907 г. и был последним форумом, где собрались вместе большевики, меньшевики и представители национальных социал-демократий. Представителей большевиков — 89, меньшевиков — 88. И хотя Ленин был избран в президиум съезда и председательствовал на многих заседаниях, в ЦК он не попал, а стал лишь кандидатом в члены ЦК. Среди членов ЦК не оказалось ни одного из лидеров как большевизма, так и меньшевизма.

Что происходило далее? «Учитывая ненадежность руководства со стороны ЦК, наличие в нем колеблющихся элементов, большевики на своем совещании создали Большевистский центр во главе с Лениным» (Советская историческая энциклопедия)⁷¹. Центр состоял из 15 ленинцев и привел к окончательному расколу так и не объединившейся партии.

По словам ближайшего сподвижника Ленина Г. Зиновьева, четвертый объединительный съезд не объединил большевиков и меньшевиков, и большевики подчинились его решениям лишь по требованию рабочих, в то же время вели «сепаратную» работу, и это было «мучительно». Однако и пятый съезд не дал ленинцам облегчения — они не имели преобладающего перевеса в партии. «Мы решили, — писал Зиновьев, — что в ЦК мы будем работать и страдать по долгу службы, но настоящую работу мы будем делать в своем БЦ, ибо было ясно, что этот „брак поневоле“ с меньшевиками будет непродолжительным»⁷².

Итак, большевики пошли на «развод» с меньшевиками, не объявив об этом открыто. В тайный Большевистский центр вошли:

- А. А. Богданов — в 1909 г. исключен из партии, при советской власти возглавлял созданный им Институт переливания крови, умер в 1929 г. при постановке на себе научного опыта;
- И. П. Гольденберг (Мешковский) — в годы Первой мировой войны стал оборонцем, в 1917 г. входил в меньшевистскую группу «Новая жизнь», в 1920 г. вступил в РКП(б), умер в 1922 г.;
- И. Ф. Дубровинский — покончил с собой в 1913 г. в ссылке, утопившись в Енисее;
- Г. Е. Зиновьев — казнен в 1936 г.;
- Л. Б. Каменев — казнен в 1936 г.;
- Л. Б. Красин — в 1912 г. отошел от большевиков, вновь вступил в партию после октябрьского переворота 1917 г., умер в 1926 г.;
- В. И. Ленин — захватив всю полноту государственной власти в России, умер в 1924 г.;
- Г. Д. Линдов-Лейтейзен — некоторое время в 1917 г. входил в группу «Новая жизнь», погиб на фронте в 1919 г.;

- В. П. Ногин — умер в 1924 г.;
- М. Н. Покровский — с 1910 г. объявил себя внефракционным, в годы войны снова примкнул к большевикам, затем историк-марксист, был раскритикован сталинской школой истории, покаялся в «грехах», умер в 1932 г.;
- Н. А. Рожков — с 1912 г. меньшевик, историк социал-демократического движения, в 1921 г. арестован, в 1922 г. последовал новый арест, в 1923 г. отмежевался от меньшевиков, работал директором Исторического музея в Москве, умер в 1927 г.;
- А. И. Рыков — казнен в 1938 г.;
- В. К. Таратута — член ЦК РСДРП, с 1909 г. в эмиграции, с 1917 г. член Французской социалистической партии, с 1919 г. — в России, умер в 1926 г. (подробнее о нем будет рассказано далее);
- И. А. Теодорович — член ЦК РСДРП(б), в 1917 г. член первого Совета народных комиссаров, в ноябре этого года вышел из ЦК, а затем из СНК, расстрелян в 1937 г.;
- В. Л. Шанцер — в 1909 г., находясь в эмиграции, тяжело психически заболел, вернулся в 1911 г. в Россию и вскоре умер в психиатрической полицейской больнице.

Ленин, безусловно, хотел один властвовать в партии, но добиться этого было нелегко — ему приходилось идти к этой цели в жесточайшей конкуренции с другими выдающимися социал-демократами. Очень трудно было стать первым среди равных, трудно стать самым «правым», самым «правильным» марксистом. И Ленин избрал самый простой, проверенный веками путь — «разделяй и властвуй». Все эти годы партийного строительства и партийной борьбы он только и делал, что различными, часто аморальными способами раскалывал социал-демократическое движение России. И даже получив полноту государственной и партийной власти, Ленин продолжал внутри партии и правительства создавать «группки», продолжал интриговать буквально до последнего вздоха.

Конечно, не одни только идеологические разногласия толкали Ленина на «развод» с меньшевиками. Большое место в этой фракционной борьбе и интригах занимал в эти годы вопрос

о материальном обеспечении партии, т. е. в первую очередь большевиков. Деньгами, которые поступали в кассу этого тайного центра, большевики никак не хотели делиться со всей партией.

Из чего складывался денежный поток в эти годы? Это были:

- деньги, добытые в результате многочисленных экспроприаций, а попросту вооруженных грабежей;
- средства, пожертвованные частными лицами на революцию.

Внутри сепаратистского Большевистского центра была образована финансовая группа, руководившая материальным обеспечением партии: Ленин, Красин, Богданов.

Хотя съезд в Стокгольме принял резолюцию, ограничившую практику экспроприаций, а Лондонский съезд РСДРП подавляющим большинством вынес решение о роспуске так называемых боевых дружин, большевики не подчинялись этим решениям, продолжая добывать деньги, которые были очень нужны партии.

Особенно заметна была деятельность экспроприаторов на Урале и в Закавказье — отряды братьев Кадомцевых (Эразма, Ивана и Михаила) и отряд Лбова. Известно, что эти грабители далеко не все деньги передавали большевикам, оставляя себе значительные суммы. С другой стороны, экспроприаторы Закавказья отличались «честностью», передавая все деньги Ленину. Среди них особенную известность приобрел С. Т. Петросян — Камо, которого Ленин называл «кавказским разбойником». Главная экспроприация, на шумевшая на весь мир, была совершена Камо в Тифлисе на Эриванской площади, когда в результате нападения было захвачено около 250 тысяч рублей и погибло много людей. Так как большая часть денег, захваченных Камо, была в 500-рублевых купюрах, это вызвало трудности при их размене за границей. Так, при размене денег были арестованы будущий комиссар по иностранным делам в советском правительстве М. М. Литвинов, а также будущий нарком здравоохранения Н. А. Семашко. В мировой прессе стали писать, что русские социал-демократы — разбойники и грабители. Красин начал искать выход из этого тупика. Он поручил художнице из Боевой группы

А. Л. Шмидт (Фане Беленькой) изменить номера 500-рублевых ассигнаций, зафиксированных в полиции. Фаня прекрасно с этим справилась, и значительная часть денег была пущена в оборот без ненужного теперь обмена⁷³. У Красина одновременно возник план печатания фальшивых трехрублевых (их невозможно было опознать), и он даже заказал для этой цели бумагу с водяными знаками в Германии. Существует мнение, что часть денег, захваченных эсерами в октябре 1906 г. (Фонарный пер.) и в банке Московского общества взаимного кредита в Москве (апрель 1906 г.), оказались в БЦ, так как бомбы для взрыва кареты были изготовлены в лаборатории большевиков. Мартов писал в «Голосе социал-демократа», что экспроприации губят престиж партии, а что касается законспирированной группы большевиков внутри партии, то: «Если все это так, а это, к сожалению, именно так, — то, значит, внутри партии существует нечто вроде каморры, заговорщическая организация самого вредного типа, нечто среднее между тайным центральным комитетом и группой подрядчиков бандитного дела»⁷⁴.

Однако и частные пожертвования приносили большевикам немалый доход. В марте 1906 г. знаменитый пролетарский писатель М. Горький вместе со своей сожительницей актрисой М. Андреевой по инициативе большевика Красина выехал в Северную Америку. Он имел письмо от объединенного ЦК РСДРП к Американской социалистической партии. Поездка должна была помочь организовать благотворительный сбор в пользу РСДРП. Поездка была не совсем удачной, но все-таки удалось собрать значительные денежные средства, которые не пошли на нужды всей партии, а «застряли» в кассе БЦ.

Член ЦК Красин, «кормилец» партии, изначально, еще до образования БЦ, беззастенчиво обложил налогом всех сочувствующих революции. «Кажется, Наполеону принадлежит изречение „деньги — нерв войны“, — писал Красин. — Но и революционную работу нельзя было вести без денег, и поэтому организация финансов партии встала пред нами одной из настоятельнейших задач немедленно после второго съезда. Мне в качестве члена Ц. К., пришлось довольно близко стоять к этому делу, и каких только способов мы не применяли, чтобы сколотить те, в буквальном

смысле, гроши, на которые строилась партийная организация и техника в первые годы их существования. Конечно, все участники партийных кружков и организаций облагались определенным сбором, но, к сожалению, эти сборы почти никогда не доходили до центральной коллегии и расходовались либо на местные нужды организаций, либо направлялись непосредственно за границу в „Искру“ как поддержка газеты или на брошюрную литературу. Приходилось изыскивать другие средства. Одним из главных источников было обложение всех других оппозиционных элементов русского общества, и в этом мы достигли значительной виртуозности, соперничая с меньшевиками и с партией эс-эров. В те времена, при минимальном дифференцировании классов и при всеобщей ненависти к царизму, удавалось собирать деньги на социал-демократические цели даже в кругах сторонников „Освобождения“ Струве. Считалось признаком хорошего тона в более или менее радикальных или либеральных кругах давать деньги на революционные партии, и в числе лиц, довольно исправно выплачивающих ежемесячные сборы от 5 до 25 р., бывали не только крупные адвокаты, инженеры, врачи, но и директора банков, и чиновники государственных учреждений. С течением времени удалось привлечь к делу финансовой поддержки партии некоторых меценатов из слоев и сфер, казалось бы, совершенно не сочувствующих рабочему движению»⁷⁵.

Большие суммы большевики получали от промышленников и купцов, в каком-то безумном ослеплении сочувствовавших революции. К таким людям относился прежде всего фабрикант Савва Морозов, с завидным постоянством дававший деньги большевикам. Савва дружил с М. Горьким и был влюблен в знаменитую сожительницу писателя актрису Андрееву. Совершенно заигипнотизированный революционными идеями, он отдавал большевикам средства (от доходов фабрик, управлять которыми ему доверила мать). Деньги Морозова получал тот же Красин — по две тысячи рублей платежами за три месяца. Последний платеж Красин получил от Морозова за два дня до смерти последнего в 1905 г.

Считается, что Морозов покончил с собой в мае 1905 г. на вилле в Каннах. Обстоятельства его смерти до сего дня достаточно

загадочны. На этот счет есть несколько версий. Первая: убийство организовали большевики, то есть Красин. И здесь же возникает вопрос: зачем было большевикам «резать курицу, несущую золотые яйца»? Вторая версия, исходящая от Горького: к смерти Морозова причастна его жена Зинаида. С. Морозов женился на простой работнице своей фабрики. Эта красавица была, по словам Горького, настоящая змея по характеру. Ей была невыносима ситуация, когда Савва отдавал деньги революционерам. Но особенно Зинаиду приводило в бешенство то, что Морозов перед смертью застраховал свою жизнь на 100 тысяч рублей, выписав полис на имя Андреевой. Позднее Зинаида безуспешно пыталась оспорить в суде назначение этого полиса. Также есть мнение, будто бы она наняла шпионов, которые преследовали Савву, и сама доносила на мужа в полицию. Интересно, что в момент самоубийства Морозова Зинаида уехала кататься в коляске по городу с московским градоначальником А. Рейнботом, за которого потом вышла замуж.

Третья версия смерти — тяжелая психическая наследственность в роду Морозовых. Он наблюдался у московских психиатров. Вероятно, к обострению психического заболевания могли присоединиться и другие обстоятельства, например безответная любовь к Андреевой. Все это и привело к самоубийству фабриканта. Внук С. Морозова, полный его тезка С. Т. Морозов, также придерживается версии самоубийства деда⁷⁶.

Еще один представитель купеческого рода Морозовых, московский фабрикант Н. П. Шмит, получивший немалое наследство в студенческом возрасте, давал деньги на революцию большевикам, эсерам и даже кадетам. На свои средства во время вооруженного восстания в декабре 1905 г. он создал на Пресне, где находилась его фабрика мебели, вооруженную дружину. Будучи арестован, Шмит дал откровенные показания и покончил с собой в тюремной больнице (обострение психического заболевания) в феврале 1907 г. Но Шмит заранее завещал передать после смерти все его имущество РСДРП. Это «наследство» Шмита, вернее его захват большевиками, приобрело чрезвычайно скандальный характер. Деньги (около 280 тысяч) были завещаны для нужд всей партии, что никак не устраивало БЦ с Лениным во главе.

Борьбу за деньги Шмита большевики вели самыми грязными методами. У Шмита остались несовершеннолетние наследники: две сестры и брат. Под давлением большевиков младший брат Шмита отказался от своей доли наследства. К сестрам Шмита большевики применили индивидуальный подход. По указанию Ленина, член МК РСДРП В. Таратута вступил с несовершеннолетней Елизаветой Шмит во внебрачную связь. Но сочетаться законным браком для получения доли наследства Шмита нелегальный Таратута не мог. И здесь перед Красиным, который все организовывал, встал вопрос о настоящем муже. Сначала выбор пал на боевика Буренина. Так, Красин писал Горькому и Андреевой, что «придется убеждать Николая Евгеньевича жениться. Дело слишком важно, приходится всякую сентиментальность отбросить в сторону и прямо уговаривать Н. Е., так как мы не имеем другого кандидата»⁷⁷.

Но, как говорится, свято место пусто не бывает, ибо нашелся другой кандидат, боевик А. М. Игнатьев. Любовник Таратута бешено ревновал Елизавету к фиктивному мужу, даже близко не подпуская его к ней. Но сама Елизавета спокойно дала согласие на брак с венчанием в парижской церкви. А родившийся в браке младенец получил фамилию Игнатьев. Добавим, что из-за фиктивного брака Игнатьев лишь после развода смог оформить настоящий брак с О. К. Каниной⁷⁸. Таратута в РСДРП имел репутацию «прожженного негодяя», но для Ленина он оказался очень полезен. «Тем-то он и хорош, — рассуждал Ленин в одном частном разговоре, — что ни перед чем не остановится. Вот вы, скажите прямо, могли бы за деньги пойти на содержание к богатой купчихе? Нет? И я не пошел бы, не мог бы себя пересилить. А Виктор пошел... Это человек незаменимый»⁷⁹.

На другой сестре Шмита, Екатерине, в 1907 г. женился обладавший официальным статусом московский адвокат, большевик Н. Андриканис (он был адвокатом Шмита). Когда же обе брачные пары оказались в Париже, Андриканис отказался отдать большевикам свою долю наследства, пообещав им лишь незначительную часть этих денег. Екатерина поддержала мужа, мотивируя это своей обязанностью оказать материальную помощь рабочим фабрики Н. Шмита, сгоревшей в декабре 1905 г. Большевики (БЦ)

подали на Андриканиса в партийный суд, который состоялся в три сессии в декабре 1907 г., апреле и июне 1908 г. К этому времени Андриканис отстранился от большевиков, хотя и считал себя социал-демократом. Председателем партийного суда был эсер М. А. Натансон, человек безукоризненной честности. «Суду» удалось обязать Андриканиса вернуть некоторую часть (одну треть) денег из наследства Шмита. При этом член ЦК ленинец Таратута высказывал угрозы в адрес Андриканиса.

Однако после январского пленума ЦК РСДРП 1910 г. основная часть «наследства Шмита» поступила к «держателям» средств РСДРП немецким социал-демократам К. Каутскому, К. Цеткин и Ф. Мерингу. Попытки Ленина в 1911—1914 гг. вернуть эти деньги большевикам не увенчались успехом.

Надо отметить, что *«кормилец» партии Красин неоднократно использовал метод фиктивного брака с целью получения денег для партии*, и вряд ли возможно установить все такие случаи. Известно, например, что несовершеннолетняя Ф. Кассеинова (Фаня Черненькая), получив наследство и почему-то мечтая передать его большевикам, в силу возрастных причин не могла этого сделать. Красин мигом устроил ей фиктивный брак с одним из членов РСДРП⁸⁰.

Все обвинения со стороны ЦК РСДРП, касавшиеся экспроприаций, почему-то фактически не задели Ленина, он умудрился остаться в стороне. Но при этом расколол им же созданный БЦ. В жертву были принесены члены «триумvirата» Богданов и Красин. В заседании БЦ в феврале 1908 г. большевики-ленинцы подготовили резолюцию, в которой Богданов и Красин «объявлялись присвоителями партийного имущества и клеветниками»⁸¹, подлежащими исключению из фракции.

«Партийное имущество — это были награбленные во время Тифлисской экспроприации деньги. Мы не располагаем сведениями, был ли факт присвоения денег или нет. Хотя в атмосфере большевистского подполья зачастую игнорировались элементарные критерии нравственного поведения того или иного члена партии. Поскольку экспроприации сходили на нет, Ленину эти союзники оказались не нужны — „звезды“ Богданова и Красина начали с этого времени закатываться. Рядом с ним оказалась но-

вая группа полезных и верных ему большевиков: Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев и В. К. Таратута, которого Ленин даже ввел в ЦК.

В партии очень не любили любимчика Ленина Таратуту и, более того, подозревали его в связях с полицией. Твердокаменная большевичка Р. С. Землячка вместе с А. М. Игнатьевым (законным мужем Е. Шмит) обвинили секретаря МК Таратуту в том, что он состоит агентом тайной полиции. Московский комитет РСДРП расследовал обвинения и в октябре 1906 г. постановил: «Заявить в органах партийной печати и партийных собраниях, что слухи такого рода лишены всякого основания»⁸², а также было постановлено привлечь к партийному суду Землячку и Игнатьева. Но Землячка отказалась судиться.

На этом дело Таратуты не закончилось. Слухи о его провокаторстве возродились в эмиграции в 1909 г. На пленуме ЦК РСДРП этот вопрос инициировал А. А. Богданов, утративший к этому времени дружбу и доверие Ленина. По просьбе самого Таратуты была создана следственная комиссия из пяти человек: два меньшевика, бундовец, польский социал-демократ и большевик. Комиссия расследовала дело Таратуты в течение шести месяцев и пришла к выводу о его невиновности. В. Ленин был допрошен по этому делу довольно обстоятельно и вел себя при этом двойственно: с одной стороны, он был против постановления МК по поводу Землячки, с другой — защищал Таратуту.

Позднее выяснилось, что выдавал в это время все секреты РСДРП социал-демократ Я. Житомирский, близкий к Ленину. Но Таратута, видимо из предосторожности, с 1909 до 1919 г. не появлялся в России, а в 1917 г. вступил во Французскую социалистическую партию.

В июле 1918 г. тема провокаторства Таратуты вновь возникла в разговоре Ленина со старым большевиком А. З. Гольцманом. Как результат беседы появилась ленинская записка:

6.VII.1918 г.

Товарищам Крыленке или Е. Ф. Розмирович.

Тов. Крыленко! Пожалуйста, помогите подателю, товарищу Гольцману, навести все справки в Питере,

Москве и пр. насчет данных охраны касательно Таратуты (Виктора). Ваш Ленин⁸³.

Текст записки показывает, что Ленин, находившийся в это время у власти, не питал особенного доверия к личности Таратуты. Мы не знаем, что нашел Гольцман в архивах касательно Таратуты, но Таратута, вернувшись в 1919 г., трудился на разных должностях в Высшем Совете народного хозяйства. Умер в 1926 г.

В РСДРП, в частности в рядах большевиков, было немало полицейских агентов, и почему-то Ленин всегда отвергал обвинения в их адрес. Так было с Я. А. Житомирским, который после II съезда РСДРП входил в берлинскую группу содействия большинству партии и состоял на службе в полиции 15 лет (разоблачен в 1917 г.), после чего бежал за границу. Социал-демократы постоянно сомневались в надежности Житомирского, не раз говорили об этом Ильичу, а тот отвечал: «В большом хозяйстве всякая дрянь пригодится»⁸⁴. То же самое можно сказать об отношении Ленина к Таратуте, так было с Р. Малиновским, агентом Департамента полиции и близким к Ленину социал-демократом, которого Ленин с пеной у рта защищал от обвинений в провокации. Можно привести еще один пример, когда Ленин ради нужности человека для партии готов был простить ему любой поступок. Так, в 1902 г. за границу приехал социал-демократ, бывший член Петербургского «Союза борьбы» В. И. Митров, который привез письмо от ссыльных, отбывавших наказание в г. Орлове Вятской губернии. В письме говорилось об аморальном поступке «искровца», позднее видного большевика Н. Э. Баумана. Находясь в ссылке в Орлове, Бауман сожительствовал со ссыльной социал-демократкой К. Н. Приходьковой, законной женой Митрова, но затем оставил ее и выехал за границу. Приходькова в это время была беременна. Бауман позволял себе издевательские выходки в отношении Приходьковой, а его приятель В. Воровский помогал ему в этом, рисуя на женщину карикатуры. Затравленная социал-демократка покончила с собой.

Ссыльные социал-демократы с возмущением требовали от редакции «Искры» партийного суда над Бауманом и Воровским.

Этот вопрос разбирался в редакции и вызвал раскол: Потресов и Засулич встали на сторону «обвинения», требуя не только осуждения этих «товарищей», но и отстранения их от руководящих должностей. Ленин был против обвинения, считая это личным делом Баумана, который был для него «своим». Ленина поддержал Плеханов. Пятый член редакции Л. Мартов занял уклончивую позицию, и по его мнению была принята резолюция: «Ввиду обнаружившихся в собрании разногласий по вопросу о самом характере предложенного на обсуждение дела, редакция и администрация не сочли возможным его разбирать»⁸⁵. В связи с желанием Митрова опубликовать текст партийной резолюции Мартов писал Потресову: «...Его непереносимое желание „печататься“ меня возмущает. Все эти „разоблачения“ нам напакостят, как всякий скандал, и восстановят против Митрова всю партию»⁸⁶. Как мы видим, даже такой «чистый» партиец, как Мартов, готов был пожертвовать честью и даже жизнью других членов партии ради сохранения «лица» партии.

Если вернуться к вопросу о БЦ, когда его существование и его внепартийная деятельность стали для всех членов РСДРП секретом Полишинеля, Ленин решил распустить эту организацию, что и произошло в начале 1910 г. В дальнейшем делались попытки, достаточно формальные, восстановить единство партии. Даже те компромиссные решения, которые были приняты на Пленуме ЦК РСДРП, в жизни игнорировались фракциями.

В январе 1912 г. большевики провели в Праге партийную конференцию, избрав свой ЦК. Конференция заявила себя общероссийской, хотя представляла лишь небольшую группу большевиков. Ознакомившись с материалами конференции, ЦК Социал-демократии Латышского края довел до сведения членов партии, что эта «конференция» есть лишь конференция группы Ленина, а не Всероссийская партийная конференция. «„Делегаты“ прибывшие на нее, за исключением киевского делегата, не представляют собою никакой более или менее серьезной и прочной партийной организации, даже не от русской части партии, не говоря уже о национальных и закавказской организациях, которые не участвовали в состоявшейся конференции, но уже заранее выразили свой протест

против метода организации этой конференции»⁸⁷. Тем не менее большевики провели конференцию, приняли там ряд решений и, самое главное, воспользовавшись тем, что арбитраж немецких социал-демократов, ответственных за хранение денежного наследства покойного фабриканта Шмита, распался, немедленно наложили лапу на эти деньги. В ноябре 1912 г. Ленин писал: «Как представитель большевистской фракции, признанной одной из сторон в споре относительно денег, посланных мною в июне 1911 года по адресу товарищ Цеткин, я заявляю о своем исключительном праве на эти находящиеся у Цеткин деньги...»⁸⁸ Одновременно большевики произвели в РСДРП настоящий *coup d'état*, захватив партийную типографию, партийную экспедицию и редакцию «Социал-демократа».

В ответ на узурпацию ленинцев полноты представления всей РСДРП меньшевики вынуждены были созвать в Вене свою партийную конференцию, которую скромно называли «Венская конференция организаций РСДРП», — осудив большевиков-раскольников, она приняла свои решения, избрав не ЦК, а ОК (организационный комитет). Авторитетный социал-демократ Г. В. Плеханов, вставший как бы над схваткой двух фракций, назвал обе конференции раскольничьими. В ответ на «Извещение» меньшевиков о своей конференции и о предполагаемом единстве партии Плеханов писал: «Они любят единство тою же горячею любовью, которою пылает к нему тов. Ленин. Не думайте, что я шучу. Ленин очень любит единство. Только он всегда хочет, чтобы в объединенной партийной организации ему было обеспечено большинство. Это у него „влечение, род недуга“ и *conditio sine qua non*. Чтобы обеспечить себе большинство, он готов проглотить даже столь дорогое ему партийное единство»⁸⁹.

Так же произошел раскол социал-демократической фракции в IV Государственной думе по инициативе большевиков. Во главе большевистской фракции стал агент полиции Р. В. Малиновский, позже разоблаченный. Во главе меньшевистской — Н. С. Чхеидзе. Ленин стремился к созданию отдельной большевистской партии, но до 1917 г. это ему не удавалось. В 1914 г., когда началась Первая мировая война, большевики и меньшевики в Думе солидарно выступили с осуждением войны и отказом голосовать за военные

кредиты. Во время войны эти две фракции двигались разными дорогами, не пытаясь сблизиться.

Конечно, все это время шла ожесточенная полемика между большевиками и меньшевиками, часто переходившая в оскорбления личного характера. «И каким-то бессмысленным наваждением кажется дрянная склока, которую систематически разжигает с их дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении... Словом, все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения» (из письма Л. Троцкого к Н. Чхеидзе)⁹⁰. Еще до этого Ленин в одной из статей обозвал Троцкого «Иудушкой». И, конечно, сыпались оскорбления в адрес Мартова. Так, в 1911 г. Ленин обвинил Мартова в провокации: «Особенно нечестно действует вождь ликвидаторов Мартов, который сейчас снова выступает с подобными обвинениями перед общественностью и тем самым действует прямо на руку полиции»⁹¹. Особенную ярость, переходящую в бешенство, у Ленина вызвало справедливое обвинение меньшевиками во главе с Мартовым Р. Малиновского, правой руки Ленина, в провокации. Ленин назвал Мартова «грязным», «вонючим» (и даже изобразил нарицательный образ «вонючка Мартов») и «шантажистом». В одной из статей Ленин пишет: «Г-н Л. Мартов и его соучастник Дан — в течение целого десятилетия многократно разоблачаемы были в печати, выражающей взгляды большинства сознательных рабочих. Поэтому, на основании десятилетнего опыта, Л. Мартов для нас то же, что Пуришкевич, человек без чести, заведомый клеветник»⁹². Конечно, Мартов не был ангелом и в полемике с большевиками тоже неоднократно прибегал к резким выражениям. Но в одном из частных писем Мартов отметил: «...По-ленински я не ругался и ругаться не буду»⁹³.

Хотя Ленин и принадлежал к величайшим ревизионистам наследия Маркса и Энгельса — он прекрасно приспособлявал догмы марксизма к повседневным нуждам большевиков, — но было и то, в чем он оставался твердокаменным марксистом. Так, вслед за Марксом и Энгельсом Ленин считал, что революционный пожар вспыхнет в первую очередь в наиболее развитых в промышленном отношении странах Европы, о России как

о пионере в этом смысле не было и речи. Деля в январе 1917 г. в Швейцарии доклад, Ленин заявил, что «русская революция [1905—1907 гг.] остается прологом грядущей европейской революции... Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции»⁹⁴.

Конечно, *оторванные от России революционеры довольно слабо представляли себе обстановку в России*. А вот что записал в дневнике 9 декабря 1916 г. бывший революционер Л. Тихомиров, проживавший в России: «Да, революция назревает и надвигается. Теперь ее проводят в жизнь высшие классы и чины, а потом поведут уже на свой лад рабочие и крестьяне. Кто тут останется в живых, один Господь ведает»⁹⁵.

Непопулярная война со всеми ее последствиями и слабость режима Николая II способствовали тому, что произошла случайная революция в феврале 1917 г. Конечно, этому в немалой степени способствовала и деятельность радикальных партий, подтачивавших фундамент самодержавия, но еще в большей степени помогли разрушить и привести Россию к революции центристские и даже правые партии: Конституционные демократы, Союз 17 октября, Прогрессивно-экономическая партия и др.

⁹⁴ См.: Бернштейн Э. Карл Маркс и русские революционеры // Минувшие годы. СПб., 1908. № 10. С. 4.

⁹⁵ Цит. по: Набоков В. В. Собр. соч. М.; СПб., 2007. С. 1008.

⁹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 32. С. 472.

⁹⁷ Бернштейн Э. Карл Маркс и русские революционеры. С. 1.

⁹⁸ Цит. по: Белокопский И. П. Дань времени. Воспоминания. М., 1928. С. 841.

⁹⁹ См.: Мартов Ю. Записки социал-демократа. М., 2004. С. 173.

¹⁰⁰ Лядов М. Н. 25 лет Российской коммунистической партии (большевики). Н. Новгород, 1923. С. 11.

¹⁰¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 4. С. 423.

¹⁰² Уин Ф. Карл Маркс. М., 2003. С. 130.

¹⁰³ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 4. С. 450.

¹⁰⁴ Уин. Ф. Карл Маркс. С. 266.

¹⁰⁵ Солоневич И. Мировая революция или новое изгнание из рая. М., 2006. С. 15.

¹³ Из архива группы «Освобождение труда». Переписка Г. В. и Р. М. Плехановых, П. Б. Аксельрода, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча. М., 2009. Вып. 1. С. 27.

¹⁴ Из архива П. Б. Аксельрода. М., 2006. Вып. 1. С. 181.

¹⁵ Балабанов М. История революционного движения в России. От декабристов к 1905 году. Киев, 1925. С. 279.

¹⁶ Из архива группы «Освобождение труда». Вып. 1. С. 22.

¹⁷ Тихомиров Л. Плеханов и его друзья. Из личных воспоминаний. Л., 1925. С. 28.

¹⁸ Лепешинский П. Н. На повороте. М., 1955. С. 13.

¹⁹ Мартов Л. История российской социал-демократии. М.; Пг., 1923. С. 12.

²⁰ Цит. по: Мицкевич С. Зарождение эсеровской партии. По поводу книги В. Чернова «Записки социалиста-революционера» // Пролетарская революция. М., 1922. № 12. С. 200.

²¹ Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 8. С. 546.

²² Тахтарев К. М. Ленин и социал-демократическое движение // Былое. М., 1924. № 24. С. 8.

²³ Шаповалов А. С. В подполье. М.; Л., 1927. С. 5.

²⁴ Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 157.

²⁵ Там же. С. 177.

²⁶ Там же. С. 205—206.

²⁷ См.: Данилов Е. Тайна российского сфинкса. Документальный роман-расследование. М., 2004. С. 78—79.

²⁸ Сборник материалов и статей // Главное управление архивным делом. М., 1921. Вып. 1. С. 120.

²⁹ Там же. С. 117.

³⁰ Архивные документы к биографии В. И. Ленина (1887—1914) // Красный архив. М., 1934. Т. 62. С. 97.

³¹ Старая гвардия. К 30-летию Союза борьбы за освобождение рабочего класса, 1895—1925 гг. М.; Л., 1926. С. 155.

³² У истоков большевизма. Воспоминания, документы, материалы. М., 1983. С. 268.

³³ На заре рабочего движения в Москве. М., 1919. С. 1.

³⁴ Там же. С. 8.

³⁵ Первый съезд РСДРП. Киев, 1923. С. 160.

³⁶ Левицкий В. (В. Цедербаум). За четверть века. Революционные воспоминания. 1892—1917. М.; Л., 1927. Т. 1, ч. 2. С. 42.

- ³⁷ Первый съезд РСДРП. С. 181.
- ³⁸ Горев Б. И. Из партийного прошлого. Воспоминания (1895—1905). Л., 1924. С. 35.
- ³⁹ Тахтарев К. М. Рабочее движение в Петербурге (1893—1901 гг.). Л., 1924. С. 114.
- ⁴⁰ Там же. С. 115.
- ⁴¹ Лалаянц И. У истоков большевизма. М.; Л., 1930. С. 49.
- ⁴² Лепешинский П. Н. Первый съезд партии. М., 1928. С. 26.
- ⁴³ Первый съезд РСДРП. С. 132.
- ⁴⁴ Тютюкин С. В., Шелохаев В. В. Первый съезд РСДРП (к 90-летию). М., 1988. С. 56.
- ⁴⁵ Первый съезд РСДРП, март 1898 года. Документы и материалы. С. 303.
- ⁴⁶ Там же. С. 304.
- ⁴⁷ Первый съезд РСДРП, март 1898 года. С. 310.
- ⁴⁸ Советский энциклопедический словарь. М., 1979. С. 880.
- ⁴⁹ Меньщиков Л. П. Охрана и революция. М., 1925. Ч. 1. С. 419.
- ⁵⁰ Изгоев А. Об интеллигентской молодежи // Русское общество и революция. М., 1910. С. 214.
- ⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1958. Т. 6. С. 247.
- ⁵² Тахтарев К. Ленин и социал-демократическое движение. № 24. С. 22.
- ⁵³ Второй съезд РСДРП. М., 1932. С. 181.
- ⁵⁴ Там же. С. 181—182.
- ⁵⁵ Мартов Л. Борьба с «осадным положением» в Российской социал-демократической рабочей партии. Ответ на письмо Ленина. Женева, 1904. С. 22.
- ⁵⁶ Второй съезд РСДРП. С. 423.
- ⁵⁷ Урилов И. Х. История российской социал-демократии (меньшевизма). М., 2005. Ч. 3. С. 31.
- ⁵⁸ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 68.
- ⁵⁹ Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Иркутск, 1991. С. 153.
- ⁶⁰ Шотман А. Записки старого большевика. М.; Л., 1930. С. 91.
- ⁶¹ Тахтарев К. М. Ленин и социал-демократическое движение. С. 22.
- ⁶² Пейн Р. Ленин. Жизнь и смерть. М., 2002. С. 182.
- ⁶³ На рубеже. К характеристике современных исканий. СПб., 1909. С. 201.
- ⁶⁴ Тахтарев К. М. Ленин и социал-демократическое движение. С. 193.
- ⁶⁵ Цит. по: Урилов И. Х. История российской социал-демократии (меньшевизма). Ч. 3. С. 54.

- ⁶⁶ Ленинский сборник. М., 1931. Сб. 16. С. 81.
- ⁶⁷ Цит. по: Деготь В. Под знаменем большевизма. Записки подпольщика. М., 1927. С. 25.
- ⁶⁸ Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т. 3. С. 899.
- ⁶⁹ Троцкий Л. Моя жизнь. С. 165.
- ⁷⁰ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. С. 76—77.
- ⁷¹ Советская историческая энциклопедия. М., 1968. Т. 11. С. 754.
- ⁷² Зиновьев Г. История Российской коммунистической партии (большевики). Петроград, 1923. С. 129.
- ⁷³ Леонид Борисович Красин («Никитич»). Годы подполья. М.; Л., 1928. С. 247.
- ⁷⁴ Цит. по: Николаевский Б. И. Тайные страницы истории. М., 1995. С. 51.
- ⁷⁵ Техника большевистского подполья. Сб. статей и воспоминаний. М.; Л., 1923. Вып. 1. С. 8—9.
- ⁷⁶ См.: Морозов С. Т. Дед умер молодым. М., 1992.
- ⁷⁷ Буренин Н. Е. Памятные годы. Воспоминания. Л., 1970. С. 262.
- ⁷⁸ Карусева И. М. История семьи Игнатьевых // Из глубины времен. СПб., 1997. Вып. 9. С. 175. Развод Игнатьева с Е. Шмит произошел, вероятно, в 1909 г.
- ⁷⁹ Цит. по: Николаевский Б. И. Тайные страницы истории. С. 37.
- ⁸⁰ Леонид Борисович Красин («Никитич»). С. 220.
- ⁸¹ Цит. по: Николаевский Б. И. Тайные страницы истории. С. 69.
- ⁸² Ленин В. И. Известные документы. С. 53.
- ⁸³ Там же. С. 241.
- ⁸⁴ Агафонов В. К. Заграничная охранка. Пг., 1918. С. 130.
- ⁸⁵ См.: Из архива А. Н. Потресова. М., 2007. Вып. 1, С. 589.
- ⁸⁶ Ю. О. Мартов и А. Н. Потресов. Письма. 1898—1913. М., 2007. С. 49.
- ⁸⁷ Конференция РСДРП 1912 года. Документы и материалы. М., 2008. С. 550.
- ⁸⁸ Там же. С. 296.
- ⁸⁹ Там же. С. 976.
- ⁹⁰ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. С. 116—117.
- ⁹¹ Ленин В. И. Известные документы. С. 72.
- ⁹² Там же. С. 148.
- ⁹³ Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова. М., 2007. С. 130.
- ⁹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 327—328.
- ⁹⁵ Дневник Л. А. Тихомирова. 1915—1917 гг. М., 2008. С. 315.